

Будущее НАТО в многополярном мире

Стратегическая адаптация и переосмысление
евро-атлантической архитектуры безопасности

Владимир ШТОЛЬ

Организация Североатлантического договора, созданная в 1949 г. как сугубо оборонительный союз с чётко ограниченной географической и функциональной сферой ответственности, к исходу XX в. оказалась перед парадоксальной дилеммой. Исчезновение Организации Варшавского договора (ОВД) и распад СССР, казалось бы, устранили первоначальную цель существования альянса – коллективное сдерживание потенциальной советской угрозы. Однако вместо последовательного построения новой, всеобъемлющей системы безопасности на континенте, основанной на паритете и инклюзивности (что отражалось в риторике Хельсинкского Заключительного акта и Парижской хартии), Запад во главе с США избрал путь одностороннего расширения сферы влияния НАТО. Данный процесс, начавшийся ещё в 1999 г., включавший шесть волн расширения на Восток, с точки зрения Российской Федерации, вступил в системное противоречие с духом договорённостей конца 80-х – начала 90-х годов и привёл к эрозии доверия и накоплению дефицита безопасности для России¹.

События 2014 г. на Украине, а затем и полномасштабный кризис 2022 г. стали точками катастрофической бифуркации, ознаменовав крах иллюзий о возможности построения безопасности в Европе исключительно на условиях и под эгидой одного военно-политического блока. Эти события поста-

ШТОЛЬ Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МГИМО МИД России. E-mail: v.shtol@gmail.com

Ключевые слова: НАТО, многополярность, стратегическая стабильность, кризис легитимности, Арктика, Гренландия, коллективная безопасность.

¹ Отношения НАТО с Россией: хронология ключевых событий // Библиотека НАТО // URL: <https://www.nato.int/en/what-we-do/partnerships-and-cooperation/relations-with-russia>

вили перед НАТО экзистенциальные вопросы о её будущей роли в стремительно формирующемся многополярном мире, где её действия встречаются не асимметричный, а полномасштабный стратегический ответ, основанный на иной системе ценностей и понимания справедливого мироустройства.

Историко-правовые основания кризиса легитимности НАТО

Кризис легитимности НАТО носит не конъюнктурный, а системный характер и уходит корнями в период трансформации миропорядка после окончания холодной войны. Российская оценка этого процесса строится на нескольких ключевых тезисах, имеющих как историческое, так и нормативное измерение².

Центральным пунктом российской критики является системное нарушение принципа, закреплённого в основополагающих документах СБСЕ, в частности в Парижской хартии для новой Европы (1990 г.)³, где главы государств и правительств провозгласили, что «безопасность каждого государства неразрывно связана с безопасностью всех других».

Российская сторона указывает на наличие ряда устных договорённостей и заявлений западных лидеров (Дж. Бейкер, Г. Коль, Г.-Д. Геншер) в 1990–1991 гг., которые, по её мнению, давали понять, что расширение НАТО на Восток не планируется в обмен на согласие СССР на объединение Германии. Последующая экспансия альянса была воспринята

в Москве как акт недобросовестности и одностороннего пересмотра правил игры, подорвавший базовое доверие. Вместо построения «общего дома безопасности» происходило создание новых разделительных линий, где расширяющийся блок позиционировал себя как единственный легитимный гарант стабильности, а Россия отодвигалась на периферию.

Эрозия легитимности была усугублена кардинальной трансформацией функциональной роли НАТО. Из оборонительного альянса, действующего в строгих рамках ст. 5 Вашингтонского договора, она постепенно превратилась в инструмент силовой гуманитарной интервенции и продвижения западной либерально-демократической модели.

Операция против Союзной Республики Югославия (1999 г.), проведённая без санкции Совета Безопасности ООН, стала поворотным пунктом⁴. С российской точки зрения, это создало опасный прецедент подмены универсальных норм международного права (в частности, монополии СБ ООН на санкционирова-

² Путин В.В. Официальные выступления и статьи по вопросам международной безопасности (2014–2026 гг.) // Официальный сайт Президента России // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts>

³ Парижская хартия для новой Европы (1990) // Официальный сайт ОБСЕ // URL: <https://www.osce.org/ru/node/39516>

⁴ Annual Report of the Secretary General on NATO's Operations and Missions. NATO, 2025 // URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/secretary-generals-annual-report/secretary-generals-annual-report-2025>

ние применения силы) правом сильного и интересами конкретной группы государств. Последующие операции в Афганистане, Ливии (где мандат ООН на установление бесполётной зоны был произвольно расширен до цели свержения режима) и поддержка смены политических режимов на Ближнем Востоке лишь закрепили за НАТО, в глазах российской элиты и экспертного сообщества, имидж не стабилизатора, а поджигателя конфликтов⁵.

События 2014 г. на Украине и вокруг неё, с российской позиции, являются не причиной, а прямым следствием и закономерной кульминацией описанных выше процессов. Российское руководство последовательно трактует так называемый евромайдан как неконституционный государственный переворот, поддержанный Западом, после которого к власти на Украине пришли силы, враждебные историческим и культурным связям с Россией и открыто декларирующие курс на вступление страны в НАТО⁶. В данном контексте референдум о статусе Крыма и последующее включение полуост-

рова в состав Российской Федерации представляются Москвой как:

- акт восстановления исторической справедливости. Крым в качестве исторической территории России, переданной СССР в 1954 г. без учёта мнения населения;

- реализация права на самоопределение, гарантированного Уставом ООН, в ответ на слом легитимной власти в Киеве;

- вынужденная превентивная мера по укреплению национальной безопасности, направленная на недопущение перехода стратегически важного Черноморского региона под полный контроль враждебного военного блока, что сделало бы невозможным базирование российского Черноморского флота и кардинально изменило бы баланс сил.

Таким образом, российская позиция строится на восприятии действий НАТО не как ответ на агрессию, а как конечное звено в длинной цепи провокаций и нарушений договорённостей, вынудивших Россию к асимметричному, но, с её точки зрения, легитимному ответу для защиты своих коренных интересов.

Внутренние институциональные противоречия и системные ограничения альянса

Внешний кризис легитимности усугубляется глубокими внутренними противоречиями, которые ставят под вопрос не только

способность НАТО к дальнейшей экспансии, но и её оперативную эффективность в условиях затяжного конфликта⁷.

⁵ Лавров С.В. Правовым фундаментом многополярного мира должен стать Устав ООН // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 2. С. 51–58.

⁶ Mearsheimer J.J. Why the West Is Principally Responsible for the Ukrainian Crisis // The Economist. 19.05.2022 // URL: <https://www.economist.com/by-invitation/2022/03/11/john-mearsheimer-on-why-the-west-is-principally-responsible-for-the-ukrainian-crisis>

⁷ Стратегическая концепция НАТО 2022 // Официальный сайт НАТО // URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/strategic-concepts/nato-2022-strategic-concept>

Фундаментальным и неустранимым противоречием альянса остаётся колоссальный дисбаланс вклада между США и их европейскими союзниками. Несмотря на формальное принятие в 2014 г. цели по достижению уровня оборонных расходов в 2% от ВВП, этого показателя удалось добиться лишь к 2025 г. (за исключением Исландии, у которой нет собственной армии, и её показатели не учитываются). При этом данного показателя в 2023 г. достигли лишь 10 стран из 32. На саммите НАТО в Гааге (июнь 2025 г.) был утверждён новый целевой показатель – страны альянса в 2035 г. должны тратить на оборону 5% от ВВП, 3,5% при этом будут непосредственно идти на военные расходы, а 1,5% – на связанную с оборонными нуждами гражданскую инфраструктуру.

Уже сегодня близки к этому показателю страны Восточной Европы – Польша (4,48%), Литва (4%), Латвия (3,73%), Эстония (3,38%).

Также больше 3% от ВВП на оборону тратят Норвегия, США и Дания⁸.

Тем не менее США продолжают нести основное бремя расходов на стратегическое сдерживание (ядерный арсенал, системы ПРО, глобальная разведка и логистика). При этом риторика и политика администрации Д. Трампа обнажили условность американских гарантий, поставив вопрос о том, является ли приверженность ст. 5 Устава НАТО безусловной. Эта зависимость Европы создаёт две взаимосвязанные проблемы: с одной стороны, уязвимость от колебаний американской внутренней политики,

а с другой – хроническое отставание в развитии собственных оборонных возможностей и технологического суверенитета, что делает декларации о «стратегической автономии» ЕС пока нереалистичными.

Также альянс далёк от монолитности. В нём можно выделить несколько групп стран с принципиально различными приоритетами:

– «Восточный фланг» (Польша, страны Балтии, Румыния) видят в России экзистенциальную угрозу, требуют постоянного и масштабного передового военного присутствия НАТО и безусловной поддержки Украины до её победы;

– «Южное крыло» (Италия, Испания, Франция отчасти) сфокусированы на проблемах нестабильности в Средиземноморье, миграционных потоках и терроризме, стремятся избежать чрезмерной эскалации с Россией;

– «Проблемные партнёры» (Турция, Венгрия) проводят суверенную внешнюю политику, часто вразрез с интересами ключевых членов НАТО. Турция, обладающая второй по численности армией в блоке, покупает российские системы вооружений (С-400), блокировала ключевые решения (по вступлению Швеции и Финляндии) и ведёт самостоятельные военные операции. Венгрия, когда во главе страны был В. Орбан, систематически задерживала решения по Украине, выступая за немедленное прекращение огня и переговоры, и развивала тесные экономические связи с Москвой.

Принцип единогласия (консенсуса) превращается из инструмента

⁸ Оборонные бюджеты всех стран НАТО в 2025 г. составят 2% от ВВП // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24890399>

сплочения в механизм институционального паралича, позволяя одному члену блокировать коллективные инициативы в обмен на политические или экономические уступки.

Военная кампания на Украине обнажила серьёзные проблемы оборонно-промышленного комплекса (ОПК) стран НАТО, особенно европейских. Многолетнее сокращение оборонных бюджетов после 1991 г. привело к деградации производственных мощностей, утечке кадров и зависимости от глобальных цепочек поставок. Массированные поставки вооружений Киеву привели к критическому истощению собственных арсеналов, особенно в части боеприпасов артил-

лерии, ПВО и противотанковых систем. Восстановление этих запасов займёт годы и потребует многомиллиардных инвестиций. Это создаёт стратегическую дилемму: продолжение конфликта ведёт к дальнейшему ослаблению собственной обороноспособности европейских членов, а его прекращение – к признанию невозможности достижения декларируемых целей по поражению России.

Длительная война также порождает риски «усталости от помощи» в обществах западных стран, роста инфляции и социального недовольства, что подрывает внутреннюю поддержку политики конфронтации⁹.

Арктический вектор и парадигма стратегической интеграции без членства

В условиях блокировки формального расширения на Восток и растущих противоречий с Россией НАТО активно осваивает новую парадигму усиления влияния – глубокую стратегическую интеграцию с критически важными территориями, не являющимися и не планируемыми стать членами альянса. Наиболее показательным примером служит Арктический регион и в частности Гренландия.

Исторический интерес США к крупнейшему острову планеты хорошо документирован. Помимо знаменитого предложения президента Г. Трумэна купить Гренландию у Дании за 100 млн долл. (1946 г.) и публичных заявлений Д. Трампа существует более глубокий контекст. Создание авиабазы Туле (1941 г.) по

соглашению с датским правительством (в обход оккупированной немцами метрополии) сделало остров краеугольным камнем американской системы раннего предупреждения и стратегического сдерживания в Северной Атлантике.

В XXI в. прямое приобретение территории политически и юридически невозможно (Гренландия является автономной территорией Королевства Дания с правом на самоопределение, чем и хочет воспользоваться 47-й президент США). Ещё до его заявлений (2025 г.) по поводу присоединения Гренландии стратегия США сменилась на модель комплексной интеграции, включавшей:

– военно-стратегическое присутствие (модернизация базы в Туле как ключевого элемента американ-

⁹ *Mearsheimer J.J. Why the West Is Principally Responsible for the Ukrainian Crisis.*

ской глобальной ПРО и центра слежения за космическими объектами и баллистическими ракетами);

– экономическое и инфраструктурное проникновение (активные инвестиции в развитие транспорта, связи, добычу редкоземельных металлов, что усиливает зависимость локальной экономики от западного капитала);

– научно-экспертное влияние (финансирование климатических и геологических исследований, что позволяет контролировать нарратив об изменениях в Арктике и их последствиях).

Гренландский кейс встраивается в общую стратегию НАТО по укреплению позиций в Арктике, которая после 2014 г. объявлена зоной стратегических интересов альянса.

Таяние льдов открывает новые морские пути (прежде всего Северный морской путь) и облегчает доступ к колоссальным ресурсам углеводородов и минералов. Россия, обладающая самой протяжённой арктической береговой линией, рассматривает этот

регион как зону своих жизненно важных интересов и активно развивает здесь свою военную инфраструктуру (восстановление аэродромов, создание арктических бригад, развёртывание систем ПВО). Действия НАТО, включая регулярные учения в высоких широтах (такие как *Cold Response* в Норвегии) и патрулирование дальней авиации, воспринимаются Москвой как попытка стратегического сдерживания и ограничения свободы действий России в её собственной суверенной исключительной экономической зоне.

Это создаёт порочный круг: милитаризация НАТО в Арктике провоцирует ответное наращивание мощи со стороны России, что, в свою очередь, используется альянсом для обоснования необходимости наращивания своего присутствия.

Таким образом, парадигма интеграции без членства не снижает, а переносит напряжённость в новые регионы, делая глобальную конкуренцию более комплексной и многомерной.

Сценарии будущего НАТО в условиях формирующейся многополярности

Анализ внутренних противоречий и внешних вызовов позволяет смоделировать несколько базовых сценариев развития НАТО в среднесрочной перспективе (10–15 лет). Оценка их вероятности и последствий существенно различается с российской и западной точек зрения.

Сценарий перманентной конфронтации и новой нормальности. Консервация текущего курса альянса, основанного на восприя-

тии России как экзистенциальной угрозы, которую необходимо сдерживать и ослаблять. Это предполагает бессрочную поддержку Украины, дальнейшее наращивание войск на восточном фланге, технологическую и экономическую изоляцию России, попытки вовлечения других регионов (Арктика, Балканы, Закавказье) в орбиту влияния НАТО.

С точки зрения Российской Федерации, этот сценарий оценивается как наиболее опасный и тупиковый

путь. Он ведёт к консервации конфликта, новой долгосрочной гонке вооружений, росту риска прямого военного столкновения с непредсказуемыми последствиями. Россия продемонстрировала способность адаптироваться к санкционному давлению, мобилизовать экономику под нужды конфликта и развивать военное производство. Данный сценарий обрекает Европу на статус второстепенного театра военных действий в глобальной конкуренции США и Китая, ведёт к её деиндустриализации и окончательной потере стратегической субъектности. Перспективы данного сценария сомнительны ввиду ограниченности ресурсов Запада и растущей усталости обществ.

Сценарий стратегического устаревания и фрагментации. Углубление трансатлантических разногласий под давлением внутренних проблем США (политическая поляризация, долговая нагрузка, фокус на Тихоокеанском регионе) и роста евроскептицизма. Европа, не сумевшая создать реальную «стратегическую автономию», оказывается неспособна компенсировать ослабление американского внимания. НАТО постепенно теряет оперативное значение, превращаясь в формальный политический форум. Её место занимают коалиции «по случаю» (*ad-hoc*) (например, вокруг Франции и Германии) или двусторонние оборонные соглашения.

По мнению Москвы, данный сценарий снижает непосредственную военную угрозу, но создаёт зону нестабильности и непредсказуемости на западных границах России. Ослаб-

ленная и разобщённая Европа может стать источником новых кризисов (миграционных, экономических, этнических), последствия которых будут затрагивать и Россию. Кроме того, он может стимулировать ревизионистские настроения в Центральной и Восточной Европе, что в целом дестабилизирует весь регион.

Сценарий адаптации и переговоров о новой архитектуре безопасности*. Постепенное осознание тупиковости конфронтации и взаимного истощения, ведущее к возобновлению стратегического диалога на новых принципах. Этот сценарий предполагает сложный и многоэтапный процесс:

- фазу деэскалации: прекращение поставок наступательных вооружений Украине, снижение масштабов военных учений у границ России, восстановление каналов экстренной связи между генштабами;

- фазу переговоров о промежуточном урегулировании: заключение перемирия на Украине на основе существующей линии фронта, начало прямых российско-украинских переговоров, в том числе по территориальным вопросам, снятие части взаимных санкций;

- фазу институционального реформирования: возобновление работы Совета Россия – НАТО на равноправной основе для обсуждения конкретных предложений по договорам о безопасности, аналогичным представленным Российской Федерацией в декабре 2021 г. (юридические гарантии нерасширения НАТО, отвод ударных систем, меры доверия). Это может привести к созда-

* Наиболее реалистичный и предпочтительный с российской точки зрения.

нию новой структуры безопасности в Евро-Атлантическом регионе с участием России, США, ЕС и ключевых нейтральных государств.

С российской позиции это единственный путь к долгосрочной и устойчивой стабильности. Он соответствует многократно озвученным целям российской внешней политики: построение стабильного и справедливого миропорядка, основанного на многополярности, вер-

ховенстве международного права и учёте законных интересов всех крупных держав¹⁰. Россия заявляет о готовности к такому диалогу, но лишь при условии признания России как суверенного и равноправного центра мировой политики и отказа Запада от курса на гегемонию. Исход украинского конфликта станет ключевым тестом на возможность реализации этого сценария^{11, 12}.

Финансово-экономические ограничения стратегии НАТО: анализ долгосрочных рисков

Устойчивость любого военно-политического блока определяется не только его военной мощью, но и экономической основой, позволяющей поддерживать эту мощь в долгосрочной перспективе. В случае с НАТО эта основа демонстрирует признаки серьёзной эрозии, что создаёт объективные пределы для реализации амбициозных планов по перманентному наращиванию присутствия и поддержке масштабных конфликтов.

Требование доведения оборонных расходов до 2% ВВП, формально выполняемое сегодня практически всеми странами-членами, имеет обратную сторону. Реализация этого требования происходит в условиях замедления экономического роста, высокой инфляции и энергетического кризиса в Европе. Перераспре-

деление бюджетных средств в пользу оборонного сектора неизбежно происходит за счёт сокращения социальных программ, инвестиций в инфраструктуру, здравоохранение и образование. Это может привести к:

- росту социальной напряжённости: в условиях снижения реальных доходов населения увеличение военных ассигнований воспринимается как неверный приоритет, что питает популистские и антинаатовские настроения;

- вымыванию инвестиций: деньги, направляемые на закупку часто импортных (преимущественно американских) вооружений, не создают мультипликативного эффекта для национальной экономики в той же степени, что и инвестиции в гражданские высокотехнологичные секторы;

¹⁰ Путин В.В. Официальные выступления и статьи по вопросам международной безопасности (2014–2026 гг.).

¹¹ Договор между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о гарантиях безопасности (проект, представленный РФ 15.12.2021) // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1790809/; https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790818/

¹² Соглашение о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств – членов Организации Североатлантического договора (проект, представленный РФ 15.12.2021) // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1790809/; https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790803/

– усилению долговой нагрузки: финансирование дополнительных оборонных расходов за счёт государственного долга в период ужесточения денежно-кредитной политики ЕЦБ ведёт к росту стоимости обслуживания долга и сужению фискального пространства для будущих кризисов.

Как показала беспрецедентная поддержка Украины, европейский ОПК оказался не готов к ведению длительной войны высокой интенсивности. Проблемы носят системный характер:

– потеря наработанных компетенций: после 1991 г. произошла деградация массового производства боеприпасов (особенно 155-мм снарядов), ремонтных мощностей и подготовки квалифицированных рабочих;

– фрагментация и отсутствие стандартизации: ОПК Европы остаётся раздробленным с разными на-

циональными стандартами, что затрудняет совместное производство и увеличивает издержки. Инициативы по совместным закупкам (например, в рамках *PESCO*) сталкиваются с бюрократическими и политическими барьерами;

– зависимость от глобальных цепочек поставок: критически важные компоненты (микросхемы, оптические элементы, специальные сплавы) закупается в третьих странах, прежде всего в Азии. Это создаёт уязвимость в условиях глобальной конкуренции и потенциальной блокады ключевых морских путей.

Таким образом, способность НАТО к длительной конфронтации оказывается ограничена не только и не столько политической волей, сколько объективными экономическими и промышленными возможностями её европейской составляющей, которые не могут быть восстановлены в короткие сроки.

Информационно-когнитивное измерение конфликта: борьба нарративов и кризис доверия

Современный конфликт разворачивается не только на поле боя, но и в информационном пространстве, где легитимность действий сторон напрямую зависит от способности формировать доминирующий нарратив. В этом измерении НАТО также сталкивается с серьёзными вызовами.

На протяжении десятилетий западные медиа и экспертные круги обладали практически монопольным правом на интерпретацию международных событий для глобальной аудитории.

Украинский кризис с 2022 г. стал переломным моментом, выявившим

пределы этой монополии. Россия, а также такие страны, как Китай, Индия, Бразилия, ЮАР, предложили альтернативные рамки понимания конфликта: не как неспровоцированную агрессию, а как закономерный результат расширения НАТО, нарушения Минских соглашений и защиты Россией своих исторических интересов и соотечественников. Этот альтернативный нарратив нашёл отклик в значительной части Глобального Юга, который отказывается присоединяться к западным санкциям и видит в конфликте прежде всего борьбу великих держав, а не

битву демократии с автократией. Это свидетельствует о глубоком кризисе доверия к западным институтам и их моральному авторитету за пределами круга традиционных союзников.

Внутри самих стран НАТО единый пропагандистский фронт также даёт трещины. Рост цен на энергоносители и продукты питания, приток беженцев, опасения по поводу прямой эскалации порождают скептические настроения. Правые популистские партии в Германии (АдГ), Франции («Национальное объединение»), Италии (партия Мелони, хотя она и поддерживает Украину, но выступает за переговоры) используют эти настроения, ставя под сомнение стратегию бесконечной поддержки Киева. Левые движения, в свою очередь, критикуют милитаризацию и требуют дипломатического урегулирования. В США нынешняя администрация не форсирует принятие новых пакетов помощи, аргументируя это необходимостью решать внутренние проблемы. В долгосрочной перспективе поддержка

дорогостоящего и затяжного конфликта без ясных перспектив становится всё менее устойчивой с точки зрения внутренней политики ключевых стран НАТО.

Действия НАТО и её ведущих членов в прошлом серьёзно подрывают моральную основу их текущей риторики. Критика России за нарушение территориальной целостности Украины сталкивается с контраргументами о бомбардировках Югославии, вторжении в Ирак под ложными предлогами, поддержке сепаратистского Косова, интервенции в Ливии, приведшей к распаду государства. Эта практика двойных стандартов активно используется российской стороной и находит отклик у международной аудитории, лишая западный нарратив безусловной моральной убедительности. Восстановление доверия и морального авторитета потребует от стран НАТО не только риторики, но и последовательного соблюдения провозглашаемых ими же принципов, что в текущих условиях представляется крайне сложной задачей.

Альтернативные модели безопасности и роль незападных акторов

Поиск выхода из тупика конфронтации неизбежно выводит дискуссию за рамки традиционной евро-атлантической архитектуры и предполагает учёт роли новых центров силы и альтернативных моделей обеспечения безопасности.

ШОС, в которую входят Россия, Китай, Индия, Пакистан, Иран и страны Центральной Азии, предлагает иную философию взаимодействия, основанную на принципах «шанхайского духа»: взаимное дове-

рие, взаимная выгода, равноправие, консультации, уважение к многообразию цивилизаций и совместное развитие. Несмотря на то что ШОС не является военным альянсом, она формирует платформу для координации по вопросам безопасности, борьбы с терроризмом и сепаратизмом, а также выступает как влиятельный полюс в мировой политике, отстаивающий принцип невмешательства во внутренние дела. Успех этой модели, особенно в стабилиза-

ции Центральной Азии, демонстрирует, что безопасность может достигаться не через расширение блоков, а через инклюзивное региональное сотрудничество с учётом интересов всех основных игроков.

Китай, позиционирующий себя как ответственная великая держава, выдвигает собственные концепции, такие как «Сообщество единой судьбы человечества» и «Глобальная инициатива по безопасности» (2022 г.). Последняя предполагает уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран, мирное разрешение споров через диалог, сохранение принципа неделимой безопасности и противодействие санкциям, не одобренным СБ ООН. Эти инициативы, хотя и носят во многом декларативный характер, формируют привлекательную для многих стран альтернативу блоковой логике НАТО, предлагая язык сотрудничества, а не конфронтации.

Крупнейшие неприсоединившиеся державы, такие как Индия, Бразилия, Индонезия, Саудовская Аравия, ЮАР, Египет, отказываются становиться на чью-либо сторону в конфликте. Их позиция основана на прагматичном отстаивании собственных национальных интересов и стремлении к многополярному миру. Эти страны обладают значительным экономическим и политическим весом, чтобы выступать в роли потенциальных посредников или создателей нейтральных платформ для диалога (как это пыталась сделать, например, африканская мирная миссия 2023 г.). Их растущее влияние означает, что любое устойчивое урегулирование будущего должно будет получить если не

поддержку, то хотя бы молчаливое одобрение со стороны ключевых игроков Глобального Юга. Игнорирование их позиции ведёт к дальнейшей маргинализации НАТО в глобальных процессах.

Накопленный опыт свидетельствует, что ни одна из сторон не способна одержать тотальную победу в современном многополярном мире. Это создаёт объективную основу для возвращения к диалогу, но уже в новых форматах. Речь может идти не о возрождении Совета Россия – НАТО в его прежнем виде, а о создании более широких и инклюзивных структур. Например, формата «безопасность для всех», куда могли бы войти постоянные члены СБ ООН (США, Россия, Китай, Франция, Великобритания), представители ЕС, ключевых региональных организаций (ОБСЕ, АС, АСЕАН) и нейтральных государств. Целью такого формата стала бы выработка не временных перемирий, а новых «правил дорожного движения» для великих держав в XXI в., включая кодекс поведения в киберпространстве, правила предотвращения инцидентов в воздухе и на море и, что самое сложное, принципы сосуществования различных систем союзов и моделей развития.

Таким образом, давление со стороны альтернативных моделей и новых центров силы будет выступать внешним катализатором, подталкивающим НАТО к внутренней трансформации. Способность альянса адаптироваться, отказаться от гегемонистских амбиций и найти *modus vivendi* с другими полюсами силы станет главным критерием его исторической состоятельности в новую эпоху.

Итак, можно сделать вывод о том, что НАТО переживает один из самых глубоких кризисов за всю свою историю. Этот кризис носит системный характер и обусловлен не только внешними факторами самими по себе, а фундаментальным противоречием между устаревшей моделью однополярного мира, в которой альянс выступал в роли главного гаранта безопасности по западным лекалам, и объективными процессами становления полицентричной системы международных отношений. Легитимность НАТО была подорвана её собственной экспансионистской политикой, пренебрежением принципом неделимой безопасности и трансформацией в инструмент глобального интервенционизма.

Внутренние противоречия альянса – трансатлантическая асимметрия, дивергенция национальных интересов и парализующий принцип консенсуса – делают его малоподвижным и уязвимым в условиях затяжного конфликта высокой интенсивности. Попытки компенсировать это через новые формы влияния, такие как стратегическая интеграция с ключевыми территориями по модели Гренландии, не решают проблему, а лишь переносят конкуренцию в новые сферы (Арктику, технологическую, информационную), повышая общие риски.

Из рассмотренных сценариев – перманентной конфронтации, стратегического устаревания и адаптации через переговоры – последний представляется единственным, способным обеспечить долгосрочную стабильность. Он требует от Запада отказа от иллюзий о возможности стратегического поражения России или её изоляции и признания её в качестве необходимого и равноправного участника в построении новой архитектуры безопасности в Евро-Атлантическом регионе и в мире в целом.

Таким образом, будущее НАТО лежит не в её бесконечном расширении или усилении конфронтации, а в сложной и болезненной, но необходимой трансформации. Её суть заключается в переходе от логики монопольного обеспечения безопасности для избранного круга к роли одного из элементов новой, более сложной и сбалансированной системы коллективной безопасности. Эта система должна быть основана на строгом соблюдении международного права, уважении суверенитета и учёте законных интересов безопасности всех без исключения государств, включая Россию.

Реализация этого сценария является величайшим вызовом для политической воли лидеров по обе стороны разделительной линии, но альтернатива – дальнейшая дестабилизация и рост риска масштабного конфликта – неприемлема для всех.

Библиография

Договор между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о гарантиях безопасности (проект, представленный РФ 15.12.2021) // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1790809/; https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790818/

Лавров С.В. Правовым фундаментом многополярного мира должен стать Устав ООН // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 2. С. 51–58.

Оборонные бюджеты всех стран НАТО в 2025 г. составят 2% от ВВП // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24890399>

Отношения НАТО с Россией: хронология ключевых событий // Библиотека НАТО // URL: <https://www.nato.int/en/what-we-do/partnerships-and-cooperation/relations-with-russia>

Парижская хартия для новой Европы (1990) // Официальный сайт ОБСЕ // URL: <https://www.osce.org/ru/node/39516>

Путин В.В. Официальные выступления и статьи по вопросам международной безопасности (2014–2026 гг.) // Официальный сайт Президента России // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts>

Соглашение о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств – членов Организации Североатлантического договора (проект, представленный РФ 15.12.2021) // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1790809/; https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790803/

Стратегическая концепция НАТО 2022 // Официальный сайт НАТО // URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/strategic-concepts/nato-2022-strategic-concept>

Annual Report of the Secretary General on NATO's Operations and Missions. NATO, 2025 // URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/secretary-generals-annual-report/secretary-generals-annual-report-2025>

Mearsheimer J.J. Why the West Is Principally Responsible for the Ukrainian Crisis // The Economist. 19.05.2022 // URL: <https://www.economist.com/by-invitation/2022/03/11/john-mearsheimer-on-why-the-west-is-principally-responsible-for-the-ukrainian-crisis>

Статья поступила в редакцию 13 мая 2026 г.

Статья принята к публикации 18 мая 2026 г.

Уважаемые читатели!
Открыта подписка на 2027 год
на ежемесячный научно-аналитический журнал

«Обозреватель–Observer»

Подписка проводится:

- для корпоративных подписчиков «УП Урал-Пресс» по электронному каталогу на сайте **www.ural-press.ru**
- для индивидуальных подписчиков Агенством подписки «Деловая пресса» по электронному каталогу на сайте **<https://delpress.ru/catalog/>**
 тел.: +7-495-951-22-25